

ДМИТРИЙ КОТОВ

ИКОНКА НА ПАМЯТЬ

Жук упорно карабкался вверх по обгорелой травинке. Лёгкий ветер, принёсший едкий запах пороха чуть колыхнул травинку, а для жука это стало настоящим землетрясением. Он чуть было не сорвался, зацепившись одной лапкой с невидимым коготком, повисел мгновение, раскачиваясь, как акробат под куполом цирка. Но потом всё-таки ухитрился зацепиться второй лапкой, третьей и, как ни в чём ни бывало, продолжил медленно и упорно карабкаться дальше...

Он лежал, беспомощно раскинув руки, на бруствере полуразрушенной траншеи и наблюдал за жуком, ползущим по стеблю степной травы почти перед самым лицом. Собственная жизнь медленно, ритмично, но упорно и бесповоротно выходила из молодого и ещё каких-то четверть часа назад полного сил и здоровья тела. А сейчас всё вокруг превратилось в царство боли — и солнце, и воздух, и мягкая земля насыпанного бруствера. Лишь уцелевший стебель травы перед лицом не нёс никакого страдания и, продираясь измученным сознанием сквозь кровавое, вязкое марево тошноты и боли, Он загадал, что если жучок доползёт до вершины травинки и взлетит, то и Он — выживет...

* * *

Он и его взвод закончили окапываться, прикрывая фланг спешно закрепляющегося батальона. Стояло засушливое лето 1942 года. От тяжёлой работы на жаре после пешего перехода по степи пересохло горло, воды во флягах оставалось совсем чуть-чуть, а неподалёку, в трёхстах метрах, в низине, текла маленькая тихая речушка. Он, как командир взвода, разрешил двум бойцам собрать фляги у всех остальных и сходить по воду. Когда воду принесли, выпил чуть не половину фляги залпом, вытер враз вспотевшее лицо пилоткой, затем сел на бруствер окопа и закурил. Он уже почти год как был в армии, но на передовой оказался впервые.

Уже через две недели после начала войны его вызвали в военкомат. Сотрудник военкомата, немолодой капитан без трёх пальцев на правой руке, просматривал его личное дело, сидя за заваленным делами других призывников широким столом. Капитан взглянул на значок «Ворошиловский стрелок» на лацкане пиджака, уточнил, как он закончил десятилетку и предложил направление в военное училище. Он подумал — ровно две секунды — и согласился.

Спустя полгода в петлицах заалели по одному алому кубуку — знаки различия младшего лейтенанта стрелковых войск. Получив отпуск на двое суток, в новенькой форме, отутюженный и отглаженный, хрустя по снегу настоящими яловыми сапогами, Он приехал домой, повидать мать и сестрёнку. А ещё — увидеть её. Ту, с кото-

рой гулял вечерами, держась за руку, которой читал стихи, танцевал на выпускном и даже один раз поцеловал. Из училища Он писал ей, Она ему, а попрощаться перед отправкой в училище они так и не успели. Состав отправили на три часа раньше запланированного срока, и Она, прибежав на станцию, увидела только пустой перрон.

Мать увидела его и заплакала. И всё время, пока Он был дома, мать не отходила от него, стараясь лишний раз прикоснуться, не отводила полного радости, восхищения и тревоги взгляда и украдкой вытирала проступавшие слёзы. А когда Он выставил на стол привезённый из училища сухой паёк — тушёнку, вязку воблы, плитку шоколада — будто востропнулась и начала суетливо готовить угощение. Впрочем, угощение — громко сказано, в доме была только картошка и квашеная капуста.

А ещё он увидел Её. У них была только одна ночь, единственная, выпавшая им в жизни, хотя тогда они, ослеплённые и задыхающиеся от неизмеримого обоюдного счастья, этого ещё не знали. И когда солнце розоватым оттенком начало отбеливать восточную сторону неба, Она надела ему на шею маленькую серебряную иконку. Он смеялся, отказывался, говорил, что это всё предрассудки, ведь они — комсомольцы, люди будущего. Но Она настаивала и всерьёз доказывала, что эта иконка сохранит Его от пули и Он вернётся живым и невредимым. У Неё было две таких, абсолютно одинаковых иконки, и Он, смеясь, на обратной стороне каждой из них выцарапал по две буквы — первые буквы Её и Его имени. Пришлось надеть на себя подарок, потому что Он не хотел Её обижать, но даже потом, в эшелонах, на фронте, рука не поднималась снять иконку. Он лишь старался сохранить своё, сокровенное, родное, от чужих глаз.

Утром все вместе провожали его на поезд, и никто ещё не догадывался, что Она уже носит под сердцем новую жизнь, крохотную, только что зародившуюся. И когда паровоз загудел, выпустил из трубы пар, дёрнул со страшным железным скрипом вагоны, Он прыгнул в дверь и, оглянувшись, увидел их — таких родных и таких бесконечно одиноких на переполненном людьми перроне — маму, сестру и Её. Сердце почему-то неприятно защемило, но совсем ненадолго...

* * *

На обочине дороги, около перевернутой повозки лежал убитый. Ласковый ветер лениво шевелил на голове светлые отросшие волосы, а из вывернутой наизнанку сумки широким веером по всей дороге разлетелись маленькие бумажные треугольники не дошедших на фронт писем. Среди них было и письмо от Неё, в котором Она с восторгом и какой-то затаённой, тоскливой тревожностью сообщала, что носит Его ребёнка. Это письмо, как и многие другие, так и осталось непрочитанным. Беспомощные, жалкие, но до боли драгоценные бумажные треугольники лежали в дорожной пыли. А прямо по ним, хищно сминая недонесённые приветы, пожелания и известия, беспощадно разрывая их гусеницами, бодро шли на восток немецкие танки...

* * *

Жук долез почти до конца травинки и попытался взлететь, но тут земля в долю секунду вспыхнула крошечным пылевым облачком, и травинка с жуком, срезанная пулей, исчезла. Он обречённо понял, что это — всё. Конец. Где-то далеко, как Ему казалось, почти на горизонте, возникли огромные тени. Они шли, неторопливо, но уверенно заслоняя солнечный свет. Он с усилием, со страшной болью попытался подтянуть к себе ставшую такой непослушной руку с наганом, который, по ощущениям, стал тяжелее раз в десять. Это получилось, и Он, сцепив зубы от нестерпимой боли, с

усилием поймал надвигающуюся тень в треугольную прорезь целика и нажал на спуск. Наган подпрыгнул в руке, оглушительно хлопнув, а он опять, продираясь сквозь боль, упрямо совмещал мушку с целиком и тенью и опять нажимал на спусковой крючок. За любимую, за мать, за сестру, за родную землю, за не родившегося ещё ребёнка, о существовании которого Ему так и не довелось узнать — за всё, чем он жил в такой далёкой от его полумёртвого тела жизни. В эти мгновенья весь мир сосредоточился для него в небольшом металлическом тельце револьвера, выбрасывающего пули навстречу наползающим теням, и Он понимал, что больше уже ничего другого никогда не будет в Его жизни. И даже когда патроны закончились, и вместо оглушительного выстрела слышался сухой шелчок ударника, Он, от боли вцепившись зубами в землю, в сухую траву, продолжал нажимать на спуск, а другой рукой сжимал небольшую серебряную иконку с нацарапанными на обратной стороне двумя буквами. До тех пор, пока немецкий фельдфебель, пожалев пулю, не проткнул Его в спину штыком...

* * *

Чистенький, блестящий «Лексус» бесшумно притормозил у небольшого металлического киоска, по причине борьбы с малыми архитектурными формами превращённого в будку охраны на краю огороженной железным забором стройплощадки. Ворота тут же открылись, машина въехала внутрь, к ней быстро подошёл ещё не старый мужчина в джинсах и рубашке навывпуск и предупредительно открыл дверь. Вылезший из «Лексуса» был немного старше, но даже на первый взгляд намного солиднее и важнее.

— Что тут ещё у вас стряслось? По графику уже должны заливать площадку, а вы всё возитесь, — Прибывший был явно недоволен. Строительство АЗС затягивалось, а, соответственно, уменьшалась запланированная прибыль, что, в свою очередь, задерживало реализацию других проектов.

— Проблема нарисовалась. Дело в том, что.... — начал было встречающий, но приехавший на дорогой машине перебил его:

— А ты здесь зачем? Бабки получаешь — решай проблемы.

— Вы меня не поняли. Нестандартная ситуация. Рабочие нашли кости, много костей. Черепа. Человеческие. Решили без Вас ничего не предпринимать.

— А-а-а, — задумчиво протянул прибывший, — ну пойдём, посмотрим.

Они прошли к краю стёсанной бульдозером площадки. В углу, как солома, торчали из земли кости. Издалека они были похожи на странного окаменелого ежа. Пустыми глазницами пялились на солнце поднятые ножом тяжёлой техники целые и разбитые черепа. Один из черепов молодой разнорабочий пристроил на бровку и вставил в зубы сигарету. Сигарета дымилась.

Прибывший не привык заикливаться на мелочах, пусть даже и не стандартных, — это мешало его основной жизненной цели — зарабатывать деньги, причём чем больше, тем лучше. По жизни он сам считал себя фартовым человеком. В его душе жило всего одно суеверие — будто удачу ему приносит оставленный бабушкой талисман. Именно этот талисман он действительно берёт и хранил, с какой-то детской, затаённой наивностью приписывая ему сверхъестественные возможности и тщательно скрывая это от окружающих. Всё остальное в жизни имело вполне определённую цену. Вот и сейчас он задумался всего на минуту, а затем дал чёткое, предельно ясное указание.

— Рабочих отпусти и заткни им рты, чтобы молчали. Ментов и прочих подключать и информировать не будем, они тут разведут канитель на месяц, а вы и так из графика вылетаете. Сам мотнись в соседний район, набери местных алкашей, пусть погрузят всё это... и вывози отсюда подбру-поздорову!

— Куда?

— А куда хочешь. Хочешь — в лес, хочешь — в болото, хочешь — сожги, а хочешь — можешь бульончик сварить, — улыбнулся приехавший. — Главное, чтобы без следа. Понял?

* * *

На следующий день «Лексус» с непростым пассажиром вновь заехал на стройплощадку. Работы шли полным ходом, уже начали заливать бетон. Обнаруженные накануне кости были вечером вывезены на свалку мясокомбината и выброшены там за смехотворную сумму, выплаченную начальнику охраны. Приехавший солидный мужчина, хозяин строящейся АЗС, вылез из машины и подошёл к месту, где обнаружилась причина нестандартной ситуации, повлекшей потерю половины рабочего дня. Под очень дорогими туфлями что-то блеснуло. Он присмотрелся и увидел небольшую кость — фалангу человеческого пальца, торчащую из комка земли. Вместе с костью из комочка торчало что-то блестящее. Он подозвал рабочего, тот поднял заинтересовавший хозяина предмет, вытащил небольшой металлический прямоугольник, а комок земли с фалангой пальца отбросил в сторону.

Хозяин строительства, позабыв про свой статус и присущую солидность, как обычный мальчишка, плюнул на ладонь и слюной стёр с найденного предмета остатки земли. В его руке лежала маленькая серебряная иконка, как две капли воды похожая на оставленный бабушкой и носимый на толстой золотой цепи на шее заветный талисман. Он достал его, не замечая, что пачкает дорожную рубашку грязными задрожавшими пальцами, и сравнил с находкой. Налицо была полная идентичность, разве что его иконка, носимая на шее, была заботливо упакована в прозрачный материал от швейцарской фирмы и золотую рамочку со вставленными бриллиантами. Он посмотрел на обратную сторону. Там были нацарапаны по две буквы, по две одинаковых буквы на одной и на второй иконке.

Он отошёл в тень и сел прямо на траву. Затем зачем-то достал бумажник, вытащил толстую пачку долларов, начал пересчитывать, на половине бросил и положил деньги на землю, придавив каблуком, чтобы их не унесло ветром. Пересчёт денег всегда приводил мысли в нужное русло, но не в этот раз. Он жестом подозвал своего водителя, взял протянутую сигарету и закурил. В голове роились воспоминания. Воспоминания бабушки о деде, не вернувшемся с фронта, рассказы о подаренном деду талисмане, который сейчас лежал в его руке. В сознание тенью напознала мысль о выброшенных на свалку человеческих останках. Эта тень неторопливо, но уверенно заслоняла солнечный свет.

Он посмотрел опять на иконки, а затем на зафиксированные ногой деньги. Рядом с пачкой денег росла обгорелая травинка. По ней упорно вверх карабкался жук.

Он никогда не терпел сентиментальности. Потому что твёрдо знал — в этом мире выживает сильнейший. А себя он считал достаточно сильным.

Жук карабкался вверх по стеблю, намереваясь взлететь. Но он не дал ему этого сделать, небрежно, но безошибочно и точно ткнув зажжённой сигаретой. Жучок моментально обуглился и камешком упал с травинки. А хозяин будущей АЗС поднялся, оставив находку лежать в траве, аккуратно подобрал деньги, заботливо отряхнул их от пыли, сунул в карман и вразвалочку пошёл к чистенькому, блестящему «Лексусу». Впереди было много работы...

